

С ЯРМАРКИ

А. Левинтов

М. Дюверже порой циничен как простой генсек: «Степень разделения властей гораздо больше зависит от партийной системы, чем от положений, записанных в конституциях». Нас, во всяком случае, за почти девяносто лет советской власти, давно и прочно приучили к мысли, что Конституция – это такой школьный предмет, а в реальной жизни ее чем лучше знают, тем больше нарушают: гарант Конституции выступает и главным ее нарушителем, при этом, конечно, речь не идет только о Путине или Ельцине: все генсеки, предшествовавшие президентам, постоянно нарушали Конституцию. По-моему, у нас даже нет уголовной статьи за ее нарушение. К этому следует добавить, что, начиная с 1918 года, мы пережили как минимум шесть Конституций, одна другой прекрасней и моложе: средний возраст конституций в нашей стране всего 15 лет. Конституция – священная корова, которую имеет каждый, чувствующий себя бычком.

Из этого следует, что Конституция никак не может обеспечивать не только разделение властей, но и порядок в стране. Имеется множество гораздо существенных факторов, в том числе и партийное устройство страны.

В США нормальной является ситуация противостояния президенту парламентского большинства, принадлежащего другой партии и, естественно, считается опасным, когда президент и парламентское большинство принадлежат одной партии. У нас единственное в истории противостояние парламента и президента вылилось в штурм президентом собственного парламента – явление неслыханное, нечто вроде политического людоедства. Нам очень важно, чтобы Дума и правительство были для президента карманными, президент и Дума – карманными для партии, а партия – карманной для правительства и его структур. Скоро мы все станем карманными друг для друга.

Беспартийность российского президента, казавшаяся на первых порах гарантией его беспристрастно-

сти, довольно быстро обернулась его бесконтрольностью, безотчетностью, безнаказанностью и вседозволенностью. Проект «Единой России», предусматривающий партийность президента в будущем (надо ли говорить, какой партии должен принадлежать президент, или сами догадаетесь?), грозит еще большими бедами, прежде всего его предсказуемостью и подотчетностью, но – партии. Понимаете, присягать он будет народу, а служить – партии. Куда ни кинь...

Может, нам вообще отказаться от такой фигуры как президент? Ведь живут же многие цивилизованные народы без президентов, например, Англия.

Огромное значение имеет внутрипартийная дисциплина, аскеза послушания. Почти во всех российских партиях различимы призывы крепить внутрипартийную дисциплину, но на деле это никак не получается. В порывах платонической ненависти друг к другу, фракционные лидеры внутри партий раскалывают партии, дробят, партийные ульи находятся в перманентном процессе роения, особенно сразу после выборов. Достаточно вспомнить изобилие коммунистических партий после запрета КПСС: тогда появлялись такие вычурные партии как «КПРФ на платформе КПСС» и широкий веер краснокоричневых партий.

Анархизм, царящий в современных российских партиях и называемый ими внутрипартийной демократией, вселяет уверенные надежды на недолговечность этих партий и их скорое исчезновение.

В отличие от классической модели, когда партии после выборов начинают делить между собой портфели, Россия сначала собрала все портфели, мешки и ранцы в одну партию, а потом победила на выборах. Этот отчаянный политический эксперимент еще долго будет изучаться западными политологами и стазиологами, прежде чем станет предметом исследований у нас.

Современная российская ситуация доведена до некоторого абсурда: сначала партия в своих кулуарах

рост современной интеллигенции есть не столько рост, как мы иногда склонны считать, ученых, например физиков и др., сколько рост числа людей, занятых в сфере массовых коммуникаций, утилитарно-промышленных применений научных знаний и художественных открытий, социальных исследований и т. д. Это – в развитых странах капитализма – рост прежде всего технологий от науки, социологов, рост специалистов в определенных отраслях психологии, психотехники и др. Это есть та органическая интеллигенция, которую класс буржуазии создает внутри себя.

Интеллигенция оказывается в своеобразном положении. Бывшее монопольное положение интеллигенции, на основе которого когда-то могла возникать та форма занятия умственным трудом, которая представлялась хранением совести общества, формой «всеобщего чувствилища», размыто, исчезло, но старая идеология, соотвествовавшая когда-то духовной монополии, в остаточных формах еще сохраняется. В то же время нарушающие ее процессы как-то осознаются на уровне некоего «шестого чувства». Поэтому интеллигенция, с одной стороны, выражает себя в социальных утопиях иррационалистического, апокалипсического характера – в той мере, в какой она не мирится со сложившимся положением и продолжает традицию социальной критики, а с другой стороны, – в технократической по своему характеру социальной и идеологической инженерии – в той мере, в какой интеллигенция идет на социальную резиньцию и интегрируется в систему (или просто органически порождается ею самой). В тех формах социально-критической мысли, которые интеллигенцией порождаются, часто бывает трудно различить, что является реакцией на действительные пороки общества, а что – тоской по утраченной интеллектуальной монополии. Поэтому важен вопрос, какова судьба революционно-критических элементов в интеллигенции и духовном производстве, как они могут дальше развиваться